

БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. С. Первушин. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. Москва, 1925 г. Стр. 328.

Книга проф. С. А. Первушина является совершенно незаменимым статистико-методологическим и историческим руководством для всякого, кто хотел бы самостоятельно разобраться в ритмических колебаниях народно-хозяйственной жизни, особенно русской.

В главе III-ей читатель найдет редкое по глубине и всесторонности описание современных методов изучения хозяйственной динамики. Он увидит, насколько велик и многообразен состав симптомов, привлекаемых сейчас экономистами при изучении конъюнктуры, и до того недостаточна при современном подходе к делу «та элементарная Konjunkturkunde довоенного времени» (стр. 9), когда о состоянии конъюнктуры находили возможным судить по немногим или даже одному признаку. Он убедится, что «только комбинация значительного количества показателей а также объединение их в тотальной индексе (единный показатель) может дать правильную картину конъюнктуры» (стр. 85). Вместе с тем он будет введен во всю сложную логику и технику целесообразного построения тотального индекса. С другой стороны, читатель поймет, как меняется значение отдельных признаков в зависимости от того, подходим ли мы к хозяйственной жизни с целями диагноза или прогноза, почему «единный показатель», столь незаменимый, как орудие сознания данного хозяйственного положения, совершенно непригоден в качестве экономического барометра, и уступает здесь место тем из отдельных явлений хозяйственной жизни, «которые наиболее правильно, верно и ранее других сигнализируют о предстоящей перемене хозяйственной жизни, «которые наиболее правильно, верно и ранее других сигнализируют о предстоящей перемене хозяйственной погоды» (стр. 76). Будет ориентирован он и в методологии отбора этих «симптом — предвестников».

Глава IV-я ознакомит читателя с дополнительными методологическими вопросами, возникающими перед исследователем специально русской хозяйственной динамики вследствие значительного своеобразия последней и прежде всего вследствие влияния на русский хозяйственный цикл огромности территории страны, ее индустриально-земледельческого характера,

исключительной «динамичности» ее хозяйства и громадной роли государственного хозяйства.*) Огромность территории требует «порайонного изучения конъюнктуры» (стр. 148). «Индустриально-земледельческой характер страны, опирающийся (?) на внутренний (и в очень значительной степени на внегородской) рынок сбыта» выдвигает на первое место «проблему изучения той конкретной связи, которая существует между колебаниями нашего сельского хозяйства, с одной стороны, и колебанием нашей городской торговли и промышленности, с другой» (стр. 123). Громадная роль государственного хозяйства заставляет уделять большое внимание рациональному началу планового воздействия. Наконец повышенная динамичность хозяйственных процессов диктует необходимость изучения конъюнктурных процессов по возможно кратким (месячным) срокам» (148). Выставляя все эти положения, автор не ограничивается общим перечислением своеобразия задач методов изучения русских хозяйственных циклов, но ставя всегда вопрос совершенно конкретно, дает богатейшие указания относительно имеющихся по каждому пункту статистических материалов и вводит читателя в самую гущу прорабатываемой сейчас в России напряженной статистико-методологической работы.

В главе V-ой читатель найдет яркую характеристику «динамики и конъюнктуры» русского народного хозяйства с 1871 по 1914 год. Важнейшие выводы автора здесь таковы: 1) за время с 1871 по 1914 год в России наблюдаются «более или менее правильные периодические колебания, охватывающие народно-хозяйственной организм в его целом» (стр. 209), и особенно силой проявляющиеся в тяжелой промышленности. 2) Эти периодические колебания «складываются под воздействием двух основных факторов: во-первых, колебаний мировой хозяйственной конъюнктуры... и, во-вторых, — колебаний выручки русского сельского хозяйства... определяемых колебаниями урожая, хлебных цен и экспорта» (стр. 210). 3) «Влияние колебаний сельского хозяйства на

*) Эти указания, как и ряд последующих, характеризуют Россию, — как особый экономический мир; Евразийцы должны отнестись к этим вопросам с большим вниманием.

торгово-промышленную жизнь страны является наиболее основным» (стр. 211), при чем оно резко проявляется в качестве возбудителя под'ема, чем в качестве фактора депрессии» (стр. 211). 4) «В противоположность обычному представлению.... относительная роль мировой кон'юнктуры, как фактора русской кон'юнктуры, вплоть до 1914 г. убывает, а роль колебаний русского сельского хозяйства, наоборот, возрастает» (стр. 211). 5) «Парадоксальный на первый взгляд факт ослабления видимой связи динамики русского хозяйства и ее кон'юнктуры с кон'юнктурой мирового хозяйства объясняется «двумя встречающимися процессами. органического вращаения в народную жизнь.... русской промышленности и органического роста сельского хозяйства и его денежности» (стр. 212).*)

Наконец, в главе VI-ой и в Приложении дается детальный обзор динамики русского народного хозяйства за время от 1914 года по первое полугодие 1924-1925 г. Передать в двух словах излагаемые здесь факты и соображения в рецензионной заметке, к сожалению, совершенно невозможно в виду качественной несхожести отдельных этапов рассматриваемого периода и потому невольной мозаичности изложения автора. Укажем только, что и здесь исследователь русской хозяйственной динамики найдет массу материала, без учета которого он легко может впасть в крупные ошибки при изучении военного и революционного хозяйственного процесса.

Богатство и статистико-методологическая и историческая ценность труда проф. С. А. Первушина станут еще яснее, если отметить, что на всем протяжении своего исследования автор обнаруживает огромную эрудицию, редкое чутье действительности и выдающееся мастерство статистической конструкции, и что им собран и проработан колоссальный цифровой материал. Читатель все время чувствует, что за каждым утверждением автора стоит весь опыт русской и мировой статистической мысли, и что каждое его методологическое предложение покоится на всестороннем знании дела, на тонком интуитивном ощущении текучести и многогранности экономического бытия и ред-

*) Говоря евразийскими терминами, С. А. Первушин рисует для периода 1871-1914 г.г. процесс роста и укрепления России-Евразии, как самодовлеющего материка. Время, с которого С. А. Первушин начинает свое рассмотрение (1871 г.), являлось, повидимому, эпохой ослабления принципов «самодовления» в русском народном хозяйстве (это же время было периодом наибольшего влияния «либерализма» в русской экономической политике). Остается открытым вопрос, не предшествовала ли этой эпохе другая, в течение которой степень «самодовления» русского народного хозяйства опять-таки была выше (к тому же в более ранние периоды и самое «мировое хозяйство» было менее развито).-

Р е д.

ком умения укладывать экономическую действительность в гибкие и изящные статистические формулы. Подчеркнем еще великолепную форму изложения автора, позволяющую читать его книгу, «как роман».

Но если так высока статистико-методологическая и историческая ценность книги проф. С. А. Первушина, то иное приходится сказать о ее теоретико-экономической части. Формально — мыслительная одаренность автора заметно отстает от его интуиции, и в теоретическом осознании интересующих его явлений он далеко не так силен, как в их конкретном изображении. Тут не помогает делу и его завидная эрудиция.

Очень характерно, что строго придерживаясь авторских определений, при всем желании нельзя понять: что собственно он разумет под «кон'юктурой»? Понимает ли он кон'юкттуру, как определенного рода строий народно-хозяйственных отношений в определенный период, или как процесс изменения этого строя, сдвиги, наблюдающиеся в нем при сравнении между собой различных моментов времени? С одной стороны, автор как будто решает вопрос во втором смысле, — не чувствуя, повидимому, всего насилия, какое ему приходится при этом произвести над русским языком и для совершенно вразрез с обычным пониманием кон'юнктуры. (Стр. 10, 25).

Однако, на всем протяжении своего труда он то и дело отступает от этого решения вопроса говоря о «кривой кон'юнктуры» (стр. 53), «кон'юнктурных циклах» (стр. 16), «кон'юнктурных колебаниях» (стр. 26.), о «динамике цен и кон'юнктуры» (стр. 105), т. е., «контрабандно» примыкает к обычному пониманию кон'юнктуры. Совпадает ли «кон'юнктура» с тем, что известно под именем торгово-промышленного цикла, или она представляет собой определенного рода колебание всего народно-хозяйственного организма в его целом? Только что приведенные определения заставляют как будто думать, что автор твердо стоит за вторую часть дилеммы. Однако одним из важнейших элементов его конструкции является положение, что «чисто-кон'юнктурные волны» можно установить, «лишь устранив периодические колебания сельского хозяйства» (стр. 23), и что, значит, подлинной сферой действия кон'юнктурного цикла является внеземледельческий сектор народного хозяйства. Ограничивается ли явление «кон'юнктуры» динамическими процессами в пределах т. н. малых циклов, или оно охватывает также стихийные хозяйственные сдвиги более крупного и более мелкого масштаба? Ответ, на первый взгляд, не вызывает ни малейших сомнений, так как автор решительно высказывается за элиминацию из «кон'юнктурного цикла» «вековых движений», больших циклов» и «сезонных колебаний» и усердно критикует проф. Н. Д. Кондратьева, придерживающегося, повидимому, иного мнения (стр. 18-19). Однако на стр. 148 мы находим требование изучать русскую «кон'юкттуру» по месячным срокам, а в описании «кон'юнктуры» русского хозяйства, в 1924-

25 году среди затрагиваемых автором обстоятельств фигурируют между прочим и «сезонные колебания» (стр. 280, 289 и др.). Все эти связи и противоречия делают совершенно невозможным установление подлинного объекта внимания автора на основании его прямых заявлений. Его понимание конъюнктуры читатель вынужден конструировать сам, исходя из всего содержания его работы в целом и заглядывая в глаза на недочеты авторских формулировок. Это конечно неслучайно рекомендует работу, претендующую на теоретическое значение. И дело не улучшается, а ухудшается от того, что произвести эту «конструктивную» работу читателю не составит никакого труда, и что он очень быстро придет к выводу, что «конъюнктура» является в глазах автора, в виде правила, синонимом малого торгово-промышленного цикла.

Также, как с терминологией, обстоит у автора дело и с аргументацией, — по крайней мере во всех тех случаях, когда она не ограничивается ссылкой на факты, а переходит в область абстрактного экономического рассуждения. Доводы проф. С. А. Первушина редко достигают необходимой отчетливости, почти никогда не доходят до логического конца и то и дело оказываются во взаимном противоречии. Поэтому даже верные теоретические положения выходят из-под его пера неверными и вызывают возражения. Автор справедливо настаивает, например, на выделении из «конъюнктурного цикла» т. н. больших циклов. Как же обосновывает он эту необходимость? Большие циклы по его мнению (стр. 19), «не подчинены никакой сколько-нибудь ярко выраженной периодичности», так как «амплитуда колебаний их продолжительности нередко (?) лежит между 20 и 50 годами». Большие циклы — «это не столько периодические колебания, сколько огромные сдвиги тектонического порядка... сдвиги... весьма различные по своей природе (в одних случаях открытие золотых россыпей, в других аграрный кризис...) и сходные лишь в одном — в градиентности». Нетрудно видеть, что, пользуясь этой аргументацией, с полным успехом можно бы было требовать исключения из круга ведения конъюнктуриста и малых циклов. Особенно с точки зрения автора, характеризуемой нами выше.

Мы уже не говорим о том, что в приведенном отрывке факторы больших сдвигов смешиваются с самими сдвигами, как таковыми. Автор, как только что указано, борется с представлением о малых циклах, как «о своего рода конъюнктурном *perpetuum mobile*» (стр. 4) и выдвигает идею «разрыва» между отдельными циклами. Многие заставляют думать, что он прав. Однако как уже он обосновывает свой, по всей вероятности правильный тезис? Единственное, из чего он исходит, этот тот факт, что ни диффузия покупательной силы, ни накопление капитала, никакое другое явление, выдвигаемое отдельными авторами в качестве «автоматических» ликвидаторов депрессии, не может быть признано способным превратить депрессию в подъем. Но очевидно, что само по

себе неумение экономистов открыть в депрессии возбудителя под'ема не доказывает отсутствия такого возбудителя в реальной жизни. Чтобы быть убедительным, автор должен бы был доказать внутреннюю невозможность автоматического возникновения под'ема, исходя из исчерпывающего анализа внутренней природы депрессии. Но он этого не делает. Автор приписывает возникновение под'ема особым внешним возбудителям в виде, главным образом, технических открытий, расширения рынков и особенно высоких урожаев. Искусственному в теме читателю и этот тезис не может не показаться, в том виде, в каком он выставляется автором, спорным и недоказанным. Что касается технических открытий и завоевания новых рынков, то, если даже предположить их абсолютную случайность, то их воздействие на хозяйственную стихию, отзывчивость стихии на их появление не может быть случайной. Народно-хозяйственная стихия должна быть подготовлена к восприятию их действия, должна их как бы призывать к себе, — иначе им нет никакого пути к оказанию за нее влияния. Без выяснения этой подготовки апелляция к внешним возбудителям является поэтому незаконной и теоретическое объяснение под'ема незаконченным. Что же касается урожаев, то как примирить такую высокую оценку их роли в движениях «конъюнктуры» с тезисом автора о необходимости элиминации сельско-хозяйственного цикла из «конъюнктурного»?

Автор отрицает всеобщность и однородность хозяйственных циклов и настаивает на существовании по крайней мере трех кривых конъюнктур: американской, западно-европейской, и восточно-европейской (русской) (стр. 53). Мысль чрезвычайно интересная и, повидимому, правильная, но аргументация опять таки не выдерживает критики. Ибо оригинальность американского и русского циклов, автор подтверждает, единственно тем, что их периоды «конъюнктуры хронологически не совпадают с европейскими, и что несколько своеобразна их общая длительность» (стр. 52).

Между тем сам автор считает возможным полемизировать (стр. 179 и далее) с М. И. Туган-Барановским, когда тот, основываясь на хронологическом несовпадении циклических кривых тяжелой и легкой русской промышленности, выставляет тезис о раздвоении русско-го конъюнктурного цикла. И так далее.

Наконец, теоретико-экономическая слабость труда проф. С. А. Первушина проявляется еще и в том, что он не выдерживает теоретического подхода к делу на всем протяжении книги, и, отдав дань теории в двух первых главах, затем совершенно забывает об ней в своем историческом освещении русской хозяйственной динамики. Но на этом обстоятельстве, уже отмеченном в литературе проф. Н. Н. Шапошниковым и проф. Н. Д. Кондратьевым, мы, за недостатком места, не будем останавливаться.

Сказанное не значит, что теоретику книга С. А. Первушина неспособна ничего дать.

В первых двух главах разбираемой работы есть немало ценного и для теоретика, особенно, поскольку дело касается критики существующих объяснений хозяйственного цикла. Но все это ценное, повторяем, исчерпывается «конкретным» цифровым доказательством несостоятельности тех или иных теоретических положений. Как только дело переходит в плоскость формального мышления, автор оказывается че на высоте положения.

Вот почему мы позволяем себе высказать пожелание, чтобы в следующих изданиях разбираемой книги, которая несомненно найдет широчайший круг читателей в России и за границей, автор обратил особенное внимание на ее теоретическую часть. Мы желаем этого тем сильнее, чем выше оцениваем всю книгу в ее целом, и чем убежденнее признаем ее одним из самых выдающихся экономических произведений последнего времени не только в русской, но и в мировой литературе.

Д. Иванцов.

Н. А. Клепинин. Святой и благодетель великий князь Александр Невский. УМСА-Press. Paris. 202 стр. Год издания не указан.

Книжка Н. А. Клепинина состоит из исторического введения (стр. 5-25), 23-х глав, повествующих о жизни св. Александра Невского (стр. 27-176), рассказа о прославлении св. Александра (стр. 177-186) и примечаний (стр. 187-202).

Книга производит весьма благоприятное впечатление. Автор излагает жизнь и деятельность св. Александра на широком фоне обще-исторической перспективы того времени, приводя значительно больше исторического материала, чем его представляла бы биография в тесном смысле этого слова.

Введение говорит о положении Киевской, Суздальской и Новгородской Руси в первой половине XIII века; глава 4 говорит о возникновении и росте великой империи Чингис-Хана; глава 6 — о нашествии Батые и татарских завоеваниях на Руси и в Европе; глава 8 — о западных врагах Новгорода, преимущественно о Ливонском ордене; главы 12 и 14 — об отношениях в Монгольском царстве; глава 16 — о Владимирском великом княжении; глава 18 — о митрополите Кирилле и его церковной деятельности.

Широко рисуя обще-историческую обстановку деятельности св. Александра Невского, автор дает (в гл. 7-й) удачную и психологическую характеристику св. Александра, указывая на начало служения, связанное с подвигом самоотречения, как на главную и наиболее характерную черту в духовном облике святого князя — подвижника и мученика. Непреклонный и неуклонный в служении своей главной цели — спасения и сохранения земли Русской — св. Александр соединял с высоким

идеализмом подвижника трезвый реализм в отыскании практических путей и средств, ведущих к достижению главной цели (разумеется, поскольку пути эти не были греховными для его христианского сознания).

Поставленный в сложный узел западных и восточных отношений в период жестокого натиска на Русь со стороны как запада, так и востока, св. Александр выбрал путь — жестокой борьбы с западом, которому он дал блестящий отпор (победы над шведами, немцами и Литвою; отказ от переговоров с папой о церковной унии), и — смиренный покорности татарскому востоку, с которым борьба в то время представлялась невозможной яснову и трезвому уму св. Александра (но не всем князьям и не массе народной, которая пыталась иногда поднимать бесполезные восстания, грозившие полной гибелью обезкровленной стране). — «Отвергнув союз с западом, св. Александр принял подчинение востоку. Его политика по отношению к татарам была самым великим, но и самым тяжелым историческим делом, послужившим соблазном для многих, но выведшим Россию из развалин на правильный исторический путь. — Св. Александр был несомненным врагом татар... Само его подчинение было началом долголетней борьбы с татарщиной. Это подчинение менее всего объясняется признанием полезности для России татарской власти или преклонением перед татарами, которых он, как и все русские, считал идолопоклонниками и неверными. Это подчинение объясняется лишь любовью к Православию и России, пониманием исторической линии и ясным различием между возможным и невозможным, трезвым учетом сил своих и вражеских.» (стр. 152). — Во время своего пребывания в ставке великого хана в Каракоруме св. Александр воочию увидел всю мощь татарского царства и невозможность открытого сопротивления татарам. С другой стороны, подчинение татарам не грозило тогдашней Руси потерей ее веры, народности и самобытности, как угрожало ей западное завоевание. — «Татарское владычество не проникало в быт покоренной страны»... (стр. 90). Несокрушимое тогда татарское царство, по всей своей организации, давало возможность сохранения подлинной русской сущности. Оно давало возможность постепенного накопления сил после разрушения первого нашествия». (стр. 156). — «Восток бурным наводнением заливал землю. Но когда его волны отливали, прежняя почва снова выступала наружу, почти нетронутая разливом. Воды запада медленно просачивались в самую глубину почвы, которую они заливали, напитывали ее собой, меняя ее сущность» (стр. 92).

«Из ясного осознания своей миссии — сохранить Русь — и двух сторон татарского ига — несокрушимости и гибельности при открытой борьбе и известной терпимости, дающей простор для внутреннего роста при повиновении — вытекает вся восточная политика св. Александра Невского, которая стала политикой его преемников и которая всецело оправдала себя в дальнейшие века». (стр. 157).

В целях спасения Руси от нового татарского погрома, который мог оказаться для нее гибельным, св. Александр вынужден был сдерживать возмущенный и озлобленный народ и принуждать его суровыми мерами к — повинности татарам: «Эта трагичность положения между татарами и Русью делает из св. Александра мученика. С мученическим венцом он и входит и в русскую Церковь, и в русскую историю, и в сознание народа». (стр. 160).

Положительно оценивая содержательную, интересную и хорошо написанную, книжку Н. А. Клепинина, мы однако не можем не отметить некоторых частных положений и замечаний автора, вызывающих возражения. Говоря о причинах упадка Киевской Руси, автор указывает, как одну из этих причин: «крестьянство вообще было угнетено рабством» (стр. 13). Едва ли мы имеем исторически обоснованное право говорить о рабском состоянии крестьянского населения Киевской Руси; были, конечно, в ней холопы, посаженные на землю, были полусвободные «закупы», но этими разрядами ведь не исчерпывалось все сельское население Киевской Руси. — Далее, автор говорит о переходах князей с дружинами в Киевской Руси «из удела в удел, от стола к столу» (стр. 20). Русская историческая наука последних десятилетий перестала применять термин «удел» к волостям-княжениям Киевской Руси, сохранив его лишь как наименование отдельных княжеских владений Руси северо-восточной; «уделами», не были, конечно, вечевые общины городов киевского периода, нередко призывавшие и изгонявшие князей по своему произволу. — Отметим еще, что утверждение автора: «Древняя Русь не создала вне-церковных ценностей», — едва ли может быть принято безоговорочно.

Издана книга хорошо, но в упрек издательству должно поставить отсутствие года издания, что особенно недопустимо для изданий исторического характера.

С. Пушкарёв.

Прив.-доп. М. В. Шахматов. Опыты по истории древне-русских политических идей. Т. I. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага. 1927. 574 стр. (литографиров.)

Мысль М. В. Шахматова — обратиться к изучению древне-русских политических идей нельзя не приветствовать. Действительно, нельзя считать, что наша древность в смысле идейного содержания представляла собою какую то пустыню, нельзя начинать историю русской философии вообще и русской политической философии чуть не с XIX столетия. Наша древность завещала нам не малое идейно-духовное наследство, которое мы до сих пор мало знали и мало ценили. Поэтому М. В. Шахматову должно сказать большое спасибо как за выбор темы,

так и за приведенный в его труде огромный историко-литературный материал, почерпнутый из богатой сокровищницы древне-русского летописания.

Однако, признавая удачным выбор темы, мы затруднились бы признать удачным исполнение. Самая огромность изученного автором материала как будто подавила его: книга М. В. Шахматова производит такое впечатление, что автор слишком подчинился материалу, вместо того, чтобы подчинить его себе. Автор прав, конечно, в своем утверждении, что древне-русские летописи представляют собою не только историческое повествование, «но одновременно также публицистические учения по поводу излагаемых событий»; но построенная автором система или системы политических учений, воздвигаемые из находимых им в летописях «логических камней», представляются в значительной своей части слишком схематичными и произвольными.

Серьезные возражения вызывает метод автора, который он называет «логическим»: собрав множество летописных текстов, он классифицирует или сортирует их без разбору по рубрикам придуманной им политико-юридической схемы, — вне всякой зависимости от происхождения данного текста и от его источников, а также — от действительных исторических отношений данного места и времени.

Далее, всякое замечание летописца, будет ли то риторическая похвала, сердитый упрек, литературная фигура, поэтическое сравнение или текст из св. Писания, — автор принимает «в серьез», придает ему юридическое значение и построляет на этом шатком основании свои политико-юридические схемы.

Несколько примеров. Особенно долго и настойчиво автор останавливается на учении о богоустановленности княжеской власти, и при том не только института княжеской власти вообще, но и власти отдельных конкретных князей («... далее богоустановленной является власть: 1) князя Новгородского..., 2) князя Владимирского»... и т. д., стр. 256; — «богоустановленным является и личное властвование того или иного князя», (стр. 274); § 22-й главы 5-й говорит далее о «божественном происхождении действий князя», — но здесь же автор вполне правильно замечает: «учение о божественном происхождении действий княжеской власти стоит в связи с общим существовавшим тогда представлением об исхождении от Бога помыслов и решений праведного человека» (стр. 292). Сделав шаг дальше, автор вспомнил бы, что по слову св. Писания и по убеждению древне-русского человека вообще все происходящее на свете делается по воле или по допущению Божию (ни один волос с головы не упадет без воли Божией), и тогда он не преувеличивал бы теоретического значения в устах летописцев столь излюбленной им «богоустановленности».

Построив свою систему древне-русской княжеской власти, автор пользуется даже такими невинными в теоретическом смысле выражениями летописи, как сравнение князя с — солныш

ном! § 6-й главы 9-й носит заглавие: «Князь—красное солнышко». — «В летописях встречается неоднократно сравнение наиболее любвеобильных, ласковых, милостивых князей с красным солнышком (тексты). — В идее князя-красного солнышко скрывается идеал князя любвеобильного, милостивого, творящего неустанно труд и подвиг служения отечеству и народу». (стр. 480-481).

Еще пример. Замечание летописца о желанности для народа хорошего князя сейчас же получает под пером автора теоретическое политико-юридическое значение. «Иногда сам летописец, видимо, признает за собранием всех городов право хотети князя, когда в похвале князю Мстиславу Ростиславичу Храброму говорит: «не бы бо тая земль в Руси, которая же его не хотяшетъ». (стр. 99).

С другой стороны, иногда автор пользуется для доказательства своих положений летописными выражениями, которые вообще имели юридический смысл, но в данном тексте его отнюдь не имеют. Так, говоря об отношении городов к пригородам, автор утверждает: «Власть старейшего города над младшим, пока она существует, является в представлениях того времени абсолютным, непрерываемым правом. Так Ростовцы полагают, что Владимирцы обязаны безусловно им покоряться: «то суть наши холопи каменници» (Лавр. 1175.). (Стр. 126-127). Если бы автор не отвлекался в такой степени от обстоятельств места и времени, он вспомнил бы, что владимирцы в 1175-1176 г.г. были не «холопьями» ростовцев, а сильными самостоятельным обществом, которое, вступив в борьбу со старшими своими городами Ростовом и Суздалем, одержало над ними полную победу (о чем, впрочем, сам автор упоминает на других страницах своей книги); выражение «холопи», в данном месте не юридический термин, а просто — бранное слово! В XVII-м столетии царь Алексей Михайлович однажды в сердцах обозвал «смердом» одного из знатнейших московских бояр (и к тому — царского тестя), И. Д. Милославского, — нельзя же отсюда делать заключение, что высшее московское боярство в XVII столетии было или хотя бы титуловалось смердами. Заметим кстати, что иногда жители старшего города называли пригорожан не холопьями, а «своею братиею» (Псковск. 1 летопись, 1228 г.).

Вообще, повторяем, автор поставил интересную тему и собрал огромный материал, относящийся к ней, и потому заслуживает благодарности от всякого русского человека, интересующегося своим национальным прошлым. — Нужно только иметь в виду, что излагаемые им политические воззрения древне-русских книжников домонгольского периода, к которым мы, разумеется, должны подходить со всем уважением и интересом, относятся ко времени давно прошедшим и не могут служить какими либо нормами для современного политического делания.

С. Г. Пушкирев.

Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Памятники Государственного Эрмитажа II. Ленинград. 1926.

Почва Керчи, древней Пантикапеи, давно известна богатством сделанных в ней археологических находок. Крупный центр эллинистической цивилизации — столица Боспорского царства представляет собой в III-IV в. в. нашей эры своеобразный культурный мир того смешанного характера, что отличает богатые торговые города Передней Азии (напр. Пальмиру), хранящие черты культуры Древнего Востока наряду с воспринятым эллинизмом и теми новыми элементами, которые им приносила торговля с Персией, Средним и даже Дальним Востоком.

Вне зависимости от того, как называть эту смешанную культуру («греко-варварской», для нашего Черноморского побережья напр. «греко-сарматской», как это делает академик М. И. Ростовцев, или же «восточно-эллинистической»), значение и влияние ее в эпоху зарождения византийской культуры и искусства очень велики. Названная работа, посвященная памятнику широко известному, как в русской, так и в западной научной литературе, на частном примере вскрывает и прослеживает эти культурные взаимоотношения.

Памятник этот — серебряная чаша с изображением триумфа византийского императора на коне — имеет исторический интерес; найден он около 35 лет тому назад (в 1891 г.) и много раз публиковался и описывался; достаточно просмотреть приложенный к работе библиографический список, содержащий 37 № №, чтобы в этом убедиться. Однако тот же просмотр списка укажет, что почти все что писано об этом памятнике, основано на заблуждениях и ошибках, включительно до самого его названия (bouclier). Характерно еще и то обстоятельство, что в свое время (1891) исследование памятника было поручено, рядом с одним из русских ученых (Н. В. Покровским) еще и ученому европейскому (проф. Стряжковскому) и именно взгляды этого последнего получили решающее значение в литературе, хотя в то же самое время (1893) были сделаны и критический разбор и указания на ошибки европейского авторитета (проф. Д. Ф. Беляевым в Журнале Министерства Народного Просвещения). Таким образом издание этой работы явилось кроме того исполнением насущной для русской науки задачи, ждавшей разрешения 35 лет. И нужно сказать, что с точки зрения методологии работа действительно может быть названа образцовой. Детальный до последней мелочи технический разбор памятника с ясностью рисует последовательность его выработки и совершенно устраняет возможность сомнений в его подлинности (сп. положение дела с весьма шумевшей так наз. Антиохийской чашей, вопрос о подлинности которой мог бы быть решен лишь аналогичным способом, однако до сих пор ни один из ее многочисленных исследователей этого не сделал).

Первым издателям (проф. Покровскому и Стржиговскому) казалось заманчивым приписать (без больших оснований, т. к. аналогичных памятников в то время известно не было) нашу чашу времени наибольшего расцвета Византии VI в., видеть в изображении — портрет Юстиниана, а в самой чаше — произведение столичных мастерских. С тех пор мнение это стало общепринятым в науке, на нем стали основывать общие положения о ходе развития византийского искусства, хотя и раздавались голоса, указывавшие на несообразности, несходство с заведомыми портретами Юстиниана, описаниями его наружности и т. п. Разрешения вопроса искали обычно путем сравнения иконографического, т. е. портретного сходства и несходства и разбора композиции или стилистического анализа, наконец путем разбора отдельных деталей костюма и т. д., чтобы этим обосновать скольконибудь вероятную датировку. Не отказываясь от этих путей, автор выясняет кроме того археологическую обстановку находки и характер той археологической и художественной среды, в которой чаша была найдена и часть которой она таким образом составляла.

За время, истекшее от первого опубликования чаши, в той же Керчи были сделаны еще две находки аналогичного характера и техники, дающие возможность точно датировать и первую чашу. Две другие чаши менее интересны по сюжету, на них имеется лишь профильное погрудное изображение византийского императора, окруженное венком растительного орнамента и надписью указывающей, что изображенный император Констанций (337-361 — сын Константина Великого); и что чаши сделаны по случаю его т. н. «виценналий» (vicennalia), т. е. 20-летия со дня привлечения к власти. Таким образом устанавливается точная дата 343 год (Констанций был сделан цезарем в 323-м году).

Основные положения работы Мацулевича следующие:

1) Довод формальный: исследование формы показывает, что она тождественна у всех трех чаш, что все они являются чашами, а не чашами, как их иногда принято называть, и все три снабжены кольцами для подвески на стену*).

К этому пункту можно прибавить, что той же формы чаши с надписями Лициния в Венском, Будапештском и Белградском (две) музеях (всего 4); вместе с чашами Констанция 343 г., они указывают на существование этой формы чаш в течение всей 1-ой половины IV века.

2) Довод технический: все три чаши исполнены одной техникой до мелких деталей шлифовки включительно; рисунок исполнен глубокой насечкой, с применением позолоты (изображение императора, другие фигуры кроме лиц) и черни (волосы, зрачки глаз, детали костюма, сбруи и т. п.); во всех трех чашах применен т. н. двойной рисунок, т. е. рисунок сначала был обозначен пунктиром, при чем окончательный рисунок с ним не всегда сливается; наконец приемы шлифовки наружной стороны на станке, внутренней (где находится

изображение) от руки аналогичны у всех трех чаш.

3) Довод топографический: найдены все три чаши в некрополе Госпитальной улицы, погребения которого характеризуются христианским обрядом (в нескольких склепах были христианские надписи и росписи) и датируются монетами IV-V в. в. (до имп. Льва I — 457-474 — включительно); важнейшие предметы, найденные в этих погребениях, датируются на основании гл. обр. типологического анализа тем же временем. Автор посвящает обширную главу характеристике историко-художественных связей некрополя, заключающую ряд ценных определений и датировок отдельных предметов.

4) Стилистический анализ указывает на наличие черт характерных для Черноморья IV-V в. в.; памятник примыкает к художественному процессу, возникшему именно там и затем создавшему и определившему характер всего средневекового искусства. Среди этих черт автор отмечает: применение расцветки в изображении (чернь, позолота), живописно-линейную, а не пластическую трактовку композиции, смелые разкурсы и т. п. Наконец отдельные детали, напр., костюма, вооружения, сбруи, отчасти известны из находок той же Керчи, отчасти характерны для «греко-варварской» среды.

Все изложенное приводит автора к следующим выводам: чаша с изображением императора всадника представляет собой памятник аналогичный двум чашам с надписями и портретами Констанция и с ними одновременный; изображенный император тот же Констанций, чему не противоречат и черты лица на других его изображениях, монетах и медальонах; исполнены все три чаши в Керчи, а не в Константинополе. Заключений этих оспаривать не приходится, хотя принадлежность к Черноморскому художественному кругу не исключает и Константинопольского происхождения, в особенности если вспомнить легенды, сохранные позднейшими восточными источниками о том, как проникнувший тайно во дворец Константина Великого персидский царь Санор, был узнан по своему изображению на кубках, сделанных, специально для этого посланным ко двору Сассанидов, мастером и т. д. Не смотря на то, что изображения на сохранившихся памятниках следуют римской традиции, факты эти показывают, откуда шел самый обычай. Значение Керчи, как передаточного пункта этих «восточных» и «варварских» влияний Византии и вместе с тем одного из ранних центров того самого нарождающегося византийского искусства, в создании которого нашему Черноморью принадлежит столь существенная роль, выступает ярко и живо на этом примере*).

Б. Н.

* Метод Л. А. Мацулевича, охарактеризованный автором рецензии, представляет собою пример той строгости метода, к которой стремится целый ряд направлений в современной русской науке. Строгость метода сказывается

В. Алехин. Наши поемные луга. Что надо знать о природе наших лугов прежде чем приступить к их улучшению и хозяйственному использованию. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925, стр. 122 in 120.

До 9/10-ых пространства России бывает, в среднем, покрыто снегом свыше 80 дней в году; в огромно большей части России длительность снегового покрова превышает 4 месяца (120 дней). В Европе и Азии (т. е. землях, лежащих соответственно: к западу и затем к югу и юго-востоку от границ России) одни лишь горные местности несут снеговой покров значительной длительности (в Европе из местностей, более или менее низменных, только часть Скандинавии знает такой покров). Длительный снеговой покров, распространяющийся также на равнинно-низменные районы, является одним из неисчислимых признаков, отличающих Россию-Евразию, как особый географический мир, от областей европейских и азиатских. В зависимости от различий в количестве зимних осадков и в условиях зимней погоды, снеговой покров, к началу весны, в различных местностях Евразии имеет различную мощность. Но в общем, в е с е н н е таянье снегов представляет собою значительное явление на огромно большей части пространства Евразии, в то время, как в Европе и Азии явление это или неизвестно вовсе, или замещено летним таянием снегов в горных районах. «Мы слишком привыкли к половодью своих рек, чтоб оценить его значение, а это несомненно явление величественное по своим размерам, по своей правильности и по влиянию на народную жизнь». (А. Воейков).

«Разливы рек твоих, подобные морям» — тоже несомненно признак своеобразия России-Евразии, на всем восточно-западном ее протяжении, от бассейна Амура до бассейна Немана... Одно из созданий евразийских половодий — русские заливные луга. Им посвящает особую книжку известный русский ботанико-географ, профессор Московского Университета, В. В. Алехин («Наши поемные луга»).

Из этой книжки мы узнаем, что русские половодья, создавая заливные луга, способствовали тем самым возникновению особой отрасли русской науки. «Можно смело сказать, что луговедение — наука русская, возникшая и получившая свое развитие в России. Действительно, именно в России имеются для этого богатые возможности: огромные реки с обширными заливными лугами». Книга В. В. Алехина является краткою сводкой литературы по луговедению. Библиографический список обнимает около 60 названий. Огромное большинство работ принадлежит трем

ся не в одной археологии, но и в других отраслях русской науки. Строгость эта контрастирует с состоянием европейских (и в особенности, немецких) наук гуманитарного круга, в ряде отраслей все более склоняющихся к прямому фантазированию на научных темы.

Ред.

последним десятилетиям (луговедение получило развитие с начала XX века), В списке значится, между прочим, труды финского исследователя А. К. Каяндера. В 1906-09 гг. он выпустил монографии, посвященные поемной растительности рр. Лены, Онеги и Торнео. Самое сопоставление этих рек указывает на значительный географический размах его изысканий. Нужно заметить, что по признаку наличия половодий и поемных лугов значительная часть Финляндии принадлежит к евразийскому миру...

«Отложение материала аллювиальными водами — седиментация — вот что характерно для поймы». Пойма имеет свое, более или менее общее для различных рек и закономерное сложение. Можно различать три части поймы: ближайшую к руслу реки — повышенную (т. наз. «прирусловая» часть), наиболее удаленную — значительно пониженную (расположенную у подножия береговой террасы: «притеррасная» часть) и среднюю — равнинную, занимающую промежуточное положение («центральная» часть*). В. В. Алехин описывает растительные ассоциации каждой из названных частей поймы, различая при этом в составе каждой луга высокого, среднего и низкого уровней. — «Заливные луга, как таковые, с климатом не связаны и могут встречаться в любой климатической зоне, раз в данной зоне протекает река, ежегодно заливающая свою пойму. Поэтому луговые сообщества должны быть названы зональными, подобно тому как проф. Сибирцев назвал «азональными» луговые почвы». Обычно считается, что «растительность лугов крайне однообразна на пространстве всей России». В. В. Алехин восстает против этого мнения. Он указывает, что на основании изучения лугов можно наметить «ряд зон климатического характера... подобно тому, как это общепризнано для водораздельной растительности». Примером служат луга по р. Уне, исследованные В. В. Алехиным. Река Уна, зарождаясь несколько южнее Тамбова, в степной области, в подзоне мощного чернозема, течет в общем направлении на север и впадает в Мокшу (приток Оки), уже в пределах лесной области. Верховья р. Уны отмечены рядом ассоциаций со степными элементами, в том числе ассоциацией прямого ковра (*Bromus erectus*). Ассоциации эти не идут на север по реке дальше известного предела**). «Еще другая ассоциация... ассоциация бекмании (*Beckmannia erucaeformis*), столь характерная для юга Тамбовской губернии, на севере стала постепенно замещаться ассоциацией канареечника (*Phalaris*

*) Обозначения принадлежат В. Г. Вильямсу.

**) Интересно, что также на водоразделах Средне-русской возвышенности, в пределах Курской и Орловской губернии, при продвижении с юга на север, ковер прямой исчезает, не доходя до северной границы степной области (см. нашу статью «К познанию русских степей» в III-ей книге журнала «Версты»).

agrudinacea)... ассоциация *Beckmannia* является характерной для более южных пойм: Ворона... Дон... Донец... северные реки лежат в области распространения ассоциации *Phalaris*, которая для них очень типична:... Кама.. Молога... Шелонь... Сухона... Сев. Двина... Онега... Торнео...» Сопоставляя тамбовские луга с холмогорскими (в низовьях Сев. Двины), В. В. Алехин замечает следующее: «тамбовские луга... являлись по преимуществу, если не исключительно, злаковыми и лишь на высоких уровнях иногда разнотравие развивалось обильно... на холмогорских лугах, даже на низких уровнях пестрело разнотравие». Вывод В. В. Алехина совпадает с выводом А. К. Каяндера (1909): «границы, установленные на основании изучения аллювиальной (пойменной, П. Н. С.) растительности имеют большое ботанико-географическое значение...» они «совпадают с другими ботанико-географическими границами и могут хорошо быть использованы для характеристики ботанико-географических областей». Окончательное заключение В. В. Алехина имеет нижеследующий вид: «растительность лугов обнаруживает черты как азонального, так и зонального характера, луга, это — азональное явление...»

Следуя мнению многих ученых, В. В. Алехин полагает, что «луга нужно считать сообществом полукультурным, возникшим на месте девственных пойменных лесов», после того, как эти леса «были уничтожены человеком; в настоящее время ежегодный покос препятствует возобновлению леса». Одним из доказательств сравнительной «молодости» луговых ассоциаций является то обстоятельство, что «большая часть луговых растений достигает своего кульминационного пункта приблизительно ко времени покоса, во вторую же половину лета цветущих растений на лугах мы почти не находим или находим сравнительно... мало. Одним словом, на лугах мы не находим той фенологической насыщенности, которая характерна для старых, давно сложившихся естественных сообществ». — Однако, не везде в России дело обстоит описанным образом. В частности, и на юге «лес может расти в поймах, чему мы имеем не мало примеров; однако, в южных поймах мы встречаемся... с сильным нередко засолением почвы; а, как известно — сильной концентрации солей лес переносить не может... естественно думать, что засоленные южные поймы с их «солончаками» искони были безлесны... В поймах рек таких губерний, как Курская, Тамбовская, Пензенская и друг., появляются лишь первые признаки засоленности, но чем дальше на юг или правильней на юго-восток, тем засоленность

становится все более выраженной...*) Некоторые поймы... юго-востока (напр., р. Маньча) представляют как бы сплошной солончаком. И как свидетельство «древности» этих ассоциаций, выступает гораздо большая, чем в средне-русских лугах, фенологическая насыщенность этих сообществ: «на многих степных речках Екатеринослав. губ., мы наблюдали... в августе... сплошной ковер цветущих растений... в это время... в средней России, в более благоприятных для растительности условиях, поемные луга представляют унылую картину, лишенную каких бы то ни было цветущих растений». — Тот же зональный предел, на котором наблюдаются первые солончаковые ассоциации, являются местом замирания и исчезновения некоторых других ассоциаций. В. В. Алехин упоминает об ассоциациях осок и щучки (*Deschampsia caespitosa*). Растения эти относятся к числу «кислых»... т. е. таких, которые растут на заболоченных лугах с почвой, крайне обедненной кислородом...» На р. Торнео (т. е. в северной полосе лесной зоны) луга, покрытые щучкой, являются, по Каяндеру, «крайне важными и занимают большую часть аллювиальных почв». К югу распространенность щучки падает. «По Раменскому, кислые луга... со щучкой и северными осоками встречаются лишь в северных уездах Воронежской губернии и совсем отсутствуют на юге губернии... где столь характерным становится засоление почв». Воронежскую губ., в ее средней части, пересекает (в широтном направлении) подзона мощного чернозема. Где-то около пределов этой подзоны исчезает ассоциация осок и щучки и появляется ассоциация солончаков. Это одно из выражений того порядка, который в другом месте (в статье «К познанию русских степей») нам довелось характеризовать, как «встречу», у пределов мощного чернозема, болота и засоления.

Если верить В. В. Алехину, то около этого же предела (см. выше), наряду с облесенными (в естественном состоянии) участками поймы в первые появляются (по солончакам) иско, ни безлесные участки. Иными словами, также наблюдения над растительностью поймы явно и существенно намечают в этих местах, линию перелома или среднюю «ось», существование которой является отличительным для российско-евразийской зональной системы.

П. Савицкий.

*) В Тамбовской губ. первые признаки солончаковатости В. В. Алехин наблюдал в верховьях р. Уны (на северной границе мощного чернозема). В среднем течении и в низовьях р. Вороны (на южной границе мощного чернозема) этих признаков значительно больше.

ПЯТЬ АФОРИЗМОВ Л. Н. ТОЛСТОГО

(изъ книги А. А. Гольденвейзера:
«Вблизи Толстого»).

I. «Материализм — самое мистическое из всех учений: он в основу всего кладет веру в мифическую материю, все созидующую, все творящую из себя».

II. «... Русский народ, беспристрастно говоря, пожалуй, самый христианский по своему нравственному складу. Это отчасти объясняется тем, что Евангелие все таки читается русским народом уже девятьсот лет; католические народы до сих пор его не знают, а другие узнали только после реформации».

III. «Надо просто сказать, что в русском народе еще живо настоящее религиозное чувство, которое на Западе, отчасти благодаря влиянию католицизма, совсем почти исчезло».

IV. О классическом образовании: «на Западе оно было естественно, потому что там многие писали на латинском языке и знание его потому было нужное; а у нас общее классическое образование совершенно нелепо. Мы гораздо ближе в Востоку, и скорее следовало бы изучать языки индусский, китайский, даже персидский, и их удивительную философскую литературу».

V. «Япония, между прочим, показала, что всю прославленную тысячелетнюю европейскую цивилизацию можно усвоить и даже переосвоить в несколько десятков лет».

К.

Краткий обзор русской литературы в Советской России

Отметим работы (май-июнь месяцы) по созданию федерации, которая объединила бы представителей всех групп от Сологуба до Авербаха. Достаточно взять такой казенный журнал, как «Красная Новь», чтобы убедиться в препятствиях, которые стоят на пути такого объединения. В статье Воронского, посвященной этому вопросу говорится, что в федерации нет спянной дружной обстановки — нет договоренности, вместо всего этого сложнейшие маневрирования. На первостепенное положение претендует В. А. П. П., желающий проводить партийную линию. Воронский любит говорить об «элементарной истине», на этот раз он говорит следующее: — «На десятый год существования республики советов мы, черт возьми, не так уже бессильны, чтобы прибегать к методам командования». По его мнению, командование должно быть заменено «культурно-общественным» воздействием. В чем должно заключаться подобное воздействие, из статьи Воронского, к сожалению — неясно. Во всяком случае, в конце статьи Воронский, говоря о значении писателя «нашего времени», который должен быть философом, ученым, моралистом, замечает — «Нет нужды награждать коммуниста всеми добродетелями существующими и несуществующими в мире, а его противника изображать исчадием ада».

Но пока пишутся подобные статьи — по прежнему цветет халтура, являются дельцы и плагиаторы. Воронский этого не отрицает. И если он недоволен В. А. П. П.'ом, то потому, что

тот «неустойчив» и хотя партийную, но все же неверную гнет линию.

В литературе особенно не повезло стихам — сплошь и рядом помещаются совершенно бездарные стихи — верно за неимением лучших. Вообще вторая четверть года была бедней первой. Уже упомянутые в предыдущей «Хронике» «Вор» — Леонсва и «Юрри Японского солдата» — Пильняка печатались дальше. В июньской книжке «Нового Мира» Пильняк еще поместил «Китайскую повесть». В начале повести описание — легкое, простое — «...стою на берегу Ян-Цзы. Во всем мире одинаково детишки строят из песка песчаные города, в России тоже», но дальше Пильняк не удержался и описал, как испражняется генерал Хуан-Сян-Ли. В повести встречаются рассуждения вроде — нигде нет столько полиции, как в Китае, и нигде так много не бьют и не дерутся, как в Китае. Дальше следует дневник автора с описаниями жары и дождей, переводчика Рыкова и его писем к жене. Продолжение следует. Остается впечатление, что продолжение могло и не следовать. Скромный рассказ помещает Пришвин. Большая вещь В. Лидица требует знакомства в целом. — По первой части «Отступника» судить трудно, но можно сказать, что роман не возбуждает большого интереса. Прежде всего — роман не нов — и Свирибев и Бессонов — типы студентов, которых уже знает литература. Сделаны они грубовато и в противоположении двух типов — положительного и отрицательного (как, кажется, задумано авто-

ром) сквозит избитая схема: Свирбеев идет к цели, не брезгуя никакими средствами, Бессонов во что-то верит, умеет любить. Курсистка Вера Никольская курит, сидит по мужски — нога на ногу, голос у нее, конечно, «низкий, похожий на баритон». В общем такой роман вполне мог быть написан в дореволюционное время. Еще менее замечательно произведение П. Ширяева «Цикута» — повесть из жизни конспираторов, среди которых появляется предатель. В организации заподозривают в измене одного из «товарищей» и решают его убить. Вся повесть написана вяло, чувства действующих лиц часто выражены разговорами. Не гущей автор и от трафарета — пристав у него обычный для подобных произведений: — Осел, скотина, эфий — смотри у меня, сгною — понял? — так ругает пристав своих городовых.

Наиболее интересные вещи дали София Федорченко — «Народ на войне» и Четвериков — «Кожушок» — в журнале «Звезда». — Записки Федорченко напечатаны в нескольких номерах и разбиты на главы — о пленных, о женщинах, об офицерах и т. д. Это все разговоры, записанные большей частью в лазаретах и представляющие большой, интересный материал, что было отмечено и эмигрантскими критиками. Автор записал почти все так, как слышал. Записки касаются великой и гражданской войны. — «Кожушок» Четверикова очень удачный рассказ. Автор безусловно с дарованием. Чувствуется, что вещь, как задумана, так и выполнена — не хуже. Рассказ читается легко, в нем нет излишней болтливости, прасущей некоторым советским авторам. Советский быт виден ясно. Хорошо сделан футурист — главное действующее лицо, разгуливающее в кожанке, раскрашенном футуристически.

Интересны ранее помещенные в «Новом мире» «Воспоминания» Вересаева — написаны с большой простотой и живостью несмотря на то, что «детство» таким образом описано уже много раз.

К сожалению о Вс. Иванове приходится сказать другое. Одна из последних его вещей — «Бог Матвей» — вещь надуманная и оставляющая смутное впечатление. Мужик Матвей объявляет себя богом и говорит, что его пуля не берет. Приведенный к комиссару он соглашается на «опыт» и его убивают. Первые пули его не берут (красноармейцы промахнулись) и комиссар торопливо приканчивает «бога». Иванов бытописатель, любящий горы и леса, реки и степь. В нем есть новое понимание и ощущение Востока — народов восточной Евразии и Азии. Он пишет всех — китаец, туркмен, узбек, донской казак, татарин — частые его герои. Иванов иногда старается своих героев переделать обязательно в революционеров-героев и преувеличивает значение цивилизации в «пробуждении племен», но все же у него есть целостность в жизнеощущении. Старые его вещи интереснее «Бога Матвея».

В шестой книге альманаха «Круг» — отрывок из повести «Жизнь Клима Самина» — М. Горького. Наиболее ярким в ней является описание нижегородской ярмарки. Николай II и знаме-

нитый Ли-Хун-Чанг посещают ярмарку. Последние месяцы отмечены появлением второй части «Хождения по мукам» А. Толстого. Отрывок напечатан в «Новом мире». Отдельные места — удачные и сильные. Но не всегда выдержал общий тон. Как ни как «Хождение по мукам» — образ «трагического десятилетия русской истории» — вещь значительная. «Роман без вранья» Мариенгофа — прежде всего не роман. Хотя Есенин поставлен в центре романа, но о нем собственно рассказано очень мало. Творчество Есенина, его стихи мало интересуют Мариенгофа, больше интимная, повседневная сторона его жизни и быт богемы. И если сам Есенин все это скучное ненужное сумел «слить в один аккорд задумчиво-большой», то вовсе не для того, чтобы после его смерти описывались мелочи его жизни. Заслуживают внимания «Волхвы» Лидина. Его волхвы — два французских летчика, братья Рене — не видят никакой звезды. На Восток они летят для рекорда. Но неожиданный спуск за Уралом, ужин с пастухами, лодь в степи — заставляют их пережить и почувствовать что то новое и большое. Им становится внятно величие чужой жизни. По возвращении в Париж, приветливо улыбаясь взволнованной толпе, младший брат крепко сжимает в кармане наконецник кремневой стрелы, найденной «там», как память о пережитом в путешествии.

Г. И. Рубанов.

Лебушер. Гильдейский социализм. Перевод под редакцией и с предисловием И. Давыдова. Петроград-Москва. Кн. Т-во «Книга» 1924, ст. 66.

Историю гильдейского социализма можно датировать с 1906 года, когда появилась книга Ар. Пенти «Восстановление гильдейской системы», в которой автор выставил принцип возрождения хозяйственного идеала средневековой организации. Эти мысли стал потом развивать еженедельник «Новый Век» («New Age»), особенно его издатель Оредж (Orage) и писатель Гобсон (Hobson). Духовной силой гильдейский социализм стал тогда, когда в него вошел ряд деятелей, б. ч. вышедших из фабианского об-ва, которые внесли в него больше системы и начали его популяризовать. Итог этому периоду развития подвел Г. Коль (Cole) в книге «Мир Труда» (The World of Labour) 1913 г.. Шире работа пошла после возникновения Лиги национальных гильдий, которая начала вести пропагандистскую и организаторскую работу среди профессиональных союзов.

Исходной и конечной точкой гильд-социализма является отдельный человек. Этот человек сейчас раб, благодаря системе оплаты труда и представлению о нем, как о товаре, который вольно котируется на рынке. При этом сам рабочий не имеет никакого влияния на характер и условия требуемой от него работы. Он — раб труда. В нем видят рабочего, но не замечают человека. Каким же путем

может он освободиться? Только действительным контролем над промышленностью, когда он перестанет служить просто источником энергии, которую из него высасывает по усмотрению руководителей предприятие и, превратится в активного члена, который будет влиять на весь производственный процесс. Он станет тогда рабочим-производителем, а не продавцом, по нужде, рабочей силы. Итак, проблема для гильд-социализма гласит: производство доброкачественных товаров свободными людьми в демократических условиях.

Поставленный в такие условия рабочий должен сделаться творцом и освободиться от власти машины, уничтожающей в нем человеческое лицо. В связи с этим гильд-социалисты готовы даже объявить войну машинам и возродить ремесленное производство. Или же, как говорит Коль, этот вопрос нужно передать на решение рабочих. Эти мысли, конечно, нужно отнести к утопическим. Человека нужно освободить от власти машины, но никак не от самой машины. Слишком стихийна по своей природе машина, чтобы ее удалось отстранить голосованием. Да и в самой общей форме разрешение вопроса совершенно не годно. Убегать от трудностей дня назад, или делать скачок вперед, правда удобно в области умозрений и этот метод часто применяется социалистами там, где им нужно пробить стену, но он этого дело не подвигается. Упорядочить жизнь принимая данные действительности и учитывая на основании этого тенденции будущего — вот в чем сущность социального вопроса.

В своем стремлении освободить человека, гильд-социалисты стремятся установить точку зрения, примиряющую коллективизм и синдикализм т. е. такую, которая учитывала бы в равной степени интересы производителей и потребителей. Для достижения этой цели гильд-социализм намечает путь отделения собственности на средства производства от организации производства. Право собственности на средства производства должно принадлежать обществу (государству, или союзам коммун). Но управлять предприятиями должны организации, составленные из всех занятых в нем. Эти объединения суть единственные организаторы производства и называются гильдиями (принимая во внимание их распространение на целую страну — национальными гильдиями). Они берут на себя выполнение задач хозяйственного характера*) и несут ответственность перед парламентом. Таким образом на ряду с принципом децентрализации на основе территориального разделения государства устанавливается принцип функционального разделения на основе профессионального состава населения.

Конструкция гильдий следует демократическому принципу — снизу доверху. В пределах своих задач гильдии вполне автономны. Членом является каждый занятый в определенной отрасли промышленности. Внутреннее устройство гильдии идет по двум линиям: 1) предста-

вительный орган — построенный по восходящей линии. Он является организатором производства. 2) Исполнительный аппарат служащих, которым доверено гильдией выполнение определенных обязанностей. Ядром промышленного самоуправления является отдельное предприятие. Выбранный прямым голосованием всех рабочих (физ. и умст. труда) — комитет — представляет собой основу промышленного самоуправления.

Вторая ступень — окружной комитет — избираемый от: а) заводских комитетов отдельных предприятий. Назовем это представительство — промышленной секцией окружного комитета; б) отдельных профессий имеющих в округе; обозначим это представительство как — профессиональную секцию окр. ком-та. Т. об. проводится принцип двойного представительства. Напр. рабочий в бондарном отделении винодельческого предприятия представлен делегатом своего предприятия и делегатом профессионального союза столяров.

Дальнейшим образованием является комитет национальной гильдии, составленный путем всеобщих выборов: а) внутри каждого округа (т. е. делегаты промышленные) б) внутри каждой профессии по всем округам страны — т. е. профессиональные делегаты. Каждый рабочий в национальной гильдии представлен «промышленным» и «профессиональным» делегатом округа.

Высшей инстанцией по вопросам общей политики гильдий является национальное делегатское собрание, составленное на основе всеобщих выборов членов отдельных профессий по каждому округу. И, наконец, последнее звено — общий конгресс гильдий, высшая инстанция по всем хозяйственным вопросам, имеющим общее значение. Конгресс, как экономический парламент, равен политическому.

Во внутреннем управлении гильдий демократизм соблюдается еще более строго. Можно сказать, что все руководители и служащие должны выбираться рабочими или непосредственно, или путем назначения заводским комитетом. В оплате труда, дабы не создать разницы в разных гильдиях, проводится общее регулирование конгрессом гильдий.

Каким же образом при такой самоохроне производителей защищаются интересы потребителей? Вопрос этот менее всего разработан в гильд-социализме и по этому вопросу меньше всего солидарности среди гильд-социалистов. В общем можно сказать, что потребители для защиты своих интересов организуются подобно гильдиям. Коль разделяет виды потребления на 4 группы: 1) домашнее и индивидуальное (одежда, продовольствие). Представителями потребителей являются местные комитеты, существующие наряду с местными гильдиями пекарей, портных и т. д.; 2) местное и национальное (освещение, вода, воспитание) — потребители образуют комитеты для каждой отрасли хозяйства; 3) национальное (пути сообщения). Национальное представительство потребителей для каждой

*) Так, как органы самоуправления руководят публично-правовой стороной жизни.

отрасли на основе разделения функций; 4) интернациональное (торговый флот) — должно находиться в ведении парламента, построенного на разделении функций. — Государство не должно выполнять никаких самостоятельных функций в хозяйственной жизни, кроме исключительно важной задачи установления финансового равновесия между различными хозяйственными интересами и должно определять направление и назначение капиталов. В случае несогласия между гильдиями и потребителями должно быть созвано заседание гильдейского конгресса и различных функциональных парламентах, куда и государство посылает своих представителей для установления контакта. Т. об. нужно освободиться от вмешательства государства с точки зрения той идеи, что в основе всех общественных объединений лежит функциональный принцип, государство является лишь «функциональным выражением среди других функциональных явлений общей воли мужчин и женщин составляющих общество». Но в отличие от других объединений, функции государства основаны на общих всем признаках. Посему и контроль потребления должен быть отнесен к первоначальному функциям государства, точно также как и политическая область. Но не его дело согласовывать различные общественные организации, — ибо оно само лишь «primus inter pares» и потому не призвано судить о смежных инстанциях. Суверенитет государства, следовательно, уничтожается. Общество построенное на функциональной основе должно жить самостоятельно. И современные парламента «географические» — лишь каррикатура на подлинную демократию. Управляют люди некомпетентные, ускользающие от контроля своих избирателей, что исключается при функциональном представительстве.

Вместо старого разделения властей (на закон., судеб., исполнительную) должно наступить разделение по функциям. «Принцип разделения функций обозначает, что каждое функциональное объединение обладает своей собственной законодательной и исполнительной властью». На место государства в совр. смысле ставится о б щ и й к о м и т е т общественно важных функциональных объединений (госуд-а, объединений потребителей, производителей и др.). Он обладает принудительной властью, правом представительства в Лиге н а р о д о в.

Такое построение общества, по мнению гильд-социалистов, низводит экономический фактор в социальной жизни на соответствующее место.

Осуществление функциональной организации общества освобождает личность и дает простор ее творчеству. «Лучшей гарантией личной свободы является осуществление начала действительной демократии в каждом объединении». Система демократического контроля в хозяйстве создает, по мнению гильд-социалистов, людей, которые будут обладать необходимыми в подлинной функциональной демократии свойствами: силой воли и инициативой, сочетаемыми с общественным разумом.

Сознавая невозможность осуществить все

сразу, гильд-социалисты говорят, что только определенные и ясные мысли могут оказать помощь. Ведут поэтому работу гл. обр. в профессиональных союзах — зародышах по их мнению будущих гильдий. И первая их цель — превратить торгующийся с капиталом профессиональный союз в промышленную республику. Вместо проф. союза должен возникнуть производственный союз всех работающих в предприятии. Вместо распыления по проф. союзам — сплочение под одной крышей завода. Это объединение должно повести борьбу против капиталистического предприятия, но так, чтобы не бить одновременно по целому обществу. Отсюда — генеральная забастовка или совсем отрицается, или же признается как последний момент борьбы после длительной организационной работы. Поэтому была отброшена программа радикального крыла, которое образовалось под влиянием большевизма.

Для отдельных отраслей промышленности переходному времени будет соответствовать полная национализация. Стремясь к овладению предприятиями, гильд-социалисты решительно отвергают мысль о соучастии рабочих в предприятии, ибо этим, по их мнению, затеняется противоположность интересов между капиталистами и рабочими.

Трудность вытеснения капиталиста-финансиста гильд-социалисты разрешают все таки — катастрофой, т. е. проще говоря, вопрос остается не разрешенным. Поэтому среди гильд-социалистов появилось течение, которое указывает, что нужно взять в первую голову финансовую крепость. Гильдии должны создать свой финансовый капитал — тогда будет завоеван действительный контроль над производством.

Нельзя не признать возвышенности и законности стремления гильд-социалистов освободить рабочего, который сейчас находится во власти капитала и подавлен механичностью работы. С точки зрения общего развития европейского общества, нет ничего удивительного и даже быть может более логического, как требование демократизма в промышленности, что конкретно обозначает деятельное соучастие и контроль. Подобные требования выставила реформация против исключительного права духовенства (папы) в области религиозной. Эти же требования политическая демократия предъявила к носителям абсолютной власти. Гильд-социалисты обращаются теперь к собственникам капитала. Но будучи «плоть от плоти и кость от кости» демократизма, гильд-социализм всосал в себя и основной порок своих предков. Стремясь ограничить абсолютность власти духовной, затем политической, демократизм не только почти уничтожил ее иерархичность, но с течением времени растворил и самое духовное ядро этих социальных явлений. Религия в протестантизме разлилась и затерялась в песках философии, а государственная власть — собственно ее остатки — стала китайским шариком в руках многочисленных партий, быстро растущих и еще быстрее гниющих. Штампованные политики умеют все-

гда так «подготовить» выборы, что остаются на местах и чем дальше, тем больше получают «пожницы» между волей избирателей и волей отцов народа. Ясно это сознавая, гильд-социалисты стремятся отобрать как можно больше функций у политического парламента и даже совсем его заменить функциональным, дабы избранный был и знатоком в определенной области социальной жизни и находился под контролем определенной сплоченной группы, перед которой отвечает, а не нес бы ответственность перед безличным «всеми». Не стремясь т. об. исправить ошибки, гильд-социалисты и в свои проекты вносят старое зло. Требуя соучастия и контроля в промышленности, они вместе с тем развивают дальше политическую демократию в ее отрицательной части: устраняют государственную власть и будучи чужды иерархическому мировоззрению, раздробляют ее между конгрессом гильдий, политическим, экономическим и иными многочисленными «функциональными парламентами». Боясь оскорбить святость демократизма — им невозможно согласовать эти парламента, законодательствующие в своей области, ибо пришлось бы их подчинить либо политическому либо экономическому парламенту. Радужные мысли о равновесии этих суверенных учреждений приводят лишь к неустойчивости и колебанию. Кто будет решать взаимные споры? Комитет — где государство является самым слабым объединением, ибо все материальные ресурсы в руках гильдий? Этим не только страшно усложняется внутренняя жизнь государства, но оно оказывается бессильным и во всех предприятиях экспансивного характера.

Такое стирание государственного лица, отрицание за ним идеальной реальности и распыление власти проводится последовательно и в малом масштабе — в предприятиях. Там хозяйина творца нет. Есть безличный комитет, зависимый в каждом шаге своей деятельности от рабочих. Гильд-социалисты желая освободить рабочего, дать простор его индивидуальному творчеству — забыли дать эту свободу для тех, кто будет стоять во главе целого дела. Индивидуалисты по своей исходной точке, они всю жизнь сверху донизу переплели парламентами, комитетами и всевозможными объединениями так, что отдельный человек опутан ими как муха в паутине и утешение только в том, что он имеет, быть может, десятикратное представительство и что демократизм всюду царствует. А при всей заботе о потребителях, они, конечно, слишком слабы против всемогущих гильдий.

Т. об. гильд-социалисты, поставив задачей освобождение от власти капитала, наметили путь, который начинает выявляться все яснее и яснее (См. в Хронике вып. VIII о книге Valois et Coquelle). Но захотев перестроить все общество, распланировать целую жизнь, гильд-социалисты «перехватили» и натворили слишком много парламентов, объединений, боясь как бы недемократический элемент где нибудь не остался. Этим исключили личную предприимчивость, а в обществе не нашли кому дать верховную власть.

А. Ш.